

ПЕРСОНА

«Как английская королева»

Фриц Пляйтген был первым западногерманским телекорреспондентом в СССР. Как ему работалось в те годы, журналист рассказал корреспонденту «Д» **Дарье Боль-Палиевской**.

Дарья Боль-Палиевская

Фриц Пляйтген считается в Германии специалистом по России. И это неудивительно. Ветеран журналистики был первым корреспондентом телеканала ARD в советской Москве, в 1990-е снял несколько документальных фильмов о России.

— **Как получилось, что писавший о НАТО журналист, никогда не изучавший славистику, в 1970 году вдруг оказался в Советском Союзе?**

— В ФРГ тогда почти ничего не знали об СССР, и мой руководитель замечательный журналист Петер Шолль-Латур, сказал мне: «Господин Пляйтген, все, о чем вы будете сообщать, неизвестно и уже поэтому ценно». Каналом ARD руководил тогда Клаус фон Бисмарк, потомок того самого Бисмарка. Он считал, что нам обязательно надо быть представленными в Москве и телевидением — до этого там работал только радиокорреспондент. И я получил задание за пять лет создать корпункт. Моя учительница русского языка так мне заявила: «Вы плохо подготовлены, мало читали!» И дала мне Лермонтова, Достоевского, Пушкина, Толстого — так я настраивался на Россию. Но она была права: я действительно был плохо подготовлен, ничего не знал о России, и на месте моего шефа я бы себя в Москву не отправил. У меня, правда, были железные нервы, и мое руководство считало, что для такого «крепкого орешка», как Москва, это очень важно.

— **И вы поехали туда... на машине!**

— Это было в ноябре 1969 года. Так я хотел узнать и понять страну. Когда я ехал через ГДР, за мной всю дорогу ехал хвост. В Польше повсюду висели плакаты о польско-советской дружбе. Но на автозаправке меня отказались обслуживать, когда я заговорил с хозяином по-русски. И только когда я вы-

ругался по-немецки, он мне сказал, что ж вы сразу не сказали, что вы немец: «Русские нас оккупировали и позволили уничтожить Варшаву».

По дороге из Минска в Москву я убедился, что русские не такие уж замечательные водители: десятки машин стояли в кювете. Мне, правда, посоветовали совершенно непригодную для российских условий машину — спортивный Ford, но я доехал до Москвы без происшествий. Всю дорогу я думал о Наполеоне, о Гитлере — какие беды они принесли России. Работавшая на автозаправке женщина ночью потребовала у меня талоны. А где их ночью взять? Я достал из багажника губную помаду и чулки: вез вещи жены, которая прилетела в Москву позже. Говорю, может, у вас есть дочка, подарите ей. Она взяла помаду, нарисовала губы и помолодела лет на десять: «Мне самой пригодится». И заправила мне полный бак и канистры.

— **В каких условиях приходилось тогда работать западным корреспондентам?**

— Не сравнить с сегодняшними. Мы находились под постоянным контролем КГБ, своего оператора иметь запрещалось. Я был вынужден работать с агентством «Новости», для каждого репортажа получать разрешение в МИДе. Меня, как английскую королеву, повсюду сопровождали. В 1975 году, после заключения Хельсинкского соглашения, меня вдруг вызвали в отдел прессы МИДа и разрешили пригласить оператора из ФРГ — правда, только на две недели. Клаус Вебер получил разрешение на работу в СССР на 14 дней и остался со мной на пять лет. «Оператор №001» — такая у него была аккредитация. Я его так и называл — «дух Хельсинки».

— **О советских буднях ведь тогда тоже нельзя было рассказывать...**

— Да, контакт с простыми людьми был, по сути, невозможен. Мой хороший друг Лев Копелев дал мне тогда замечательный совет: просить в МИДе разрешение на репортажи о представителях советской культуры, писателях. Своими рассказами о современных писателях я, как мне говорили, пробудил интерес немецкого читателя к советской литературе. Вообще же советская пропаганда была чудовищно глупа. Ведь Совет-

ский Союз был на самом деле гораздо интереснее, чем она разрешала его показывать. Запреты действовали против СССР.

— **Вы стали своим в московской культурной элите?**

— Любимов, Высоцкий, Окуджава — со всеми встречался. Помню мы захотели снять репортаж о спектакле «Мастер и Маргарита» на Таганке. Любимов мне сказал: приезжайте, но только когда в театре не будет ни меня, ни моего заместителя и секретаря парткома, а то у нас будут большие неприятности. Однажды с Окуджавой. Трифоном и Любимовым мы обедали в Доме литераторов. Экспромтом Любимов разыграл пресс-конференцию, изображая Сталина, Хрущева, Бре-

На месте моего шефа я бы такого, как я, в Москву не отправил

нева, и сам был и ведущим, и журналистом. Когда он закончил, весь Дом литераторов разразился аплодисментами. У него был потрясающий дар имитатора.

С Аллой Пугачевой познакомился очень смешно. Один приятель пригласил меня на ее концерт, но я опоздал — концерт уже закончился. Знакомый говорит: вот девушку не отвезешь домой? Я ей по дороге рассказал, что, к сожалению, не смог послушать Пугачеву, а она мне: «Так я и есть Пугачева». Я не поверил: «Тогда спойте „Арлекино“!» И она мне по дороге пела «Арлекино».

— **Встречались вы, наверное, и с правозащитниками?**

— На кухне у Льва Копелева собирались интереснейшие люди. В Германии мы говорим о машинах и налогах, но русские ведут беседы о вечном. С Андреем Сахаровым я познакомился тоже на кухне у Копелева. Его я представлял себе этаким богатырем, ведь у него хватило смелости противостоять Политбюро. И вот я увидел этого миролюбивого, очень вежли-

вого человека, небольшого роста, с тихим голосом. Откуда у него было столько мужества, что его боялась целая партия? Удивительно. Но больше всего меня поразила Лариса Богораз. Она приняла участие в демонстрации протеста на Красной площади в августе 1968 года против ввода советских войск в Чехословакию. В 1991-м я поехал с ней в Восточную Сибирь, где был похоронен ее муж диссидент Анатолий Марченко, умерший после голодовки в тюрьме. Я спросил ее, почему она не эмигрирует в Израиль. «Я люблю эти деревни, эту природу, этих людей и их скромность. Россия — моя страна», — ответила она. Ее честность и решимость произвели на меня огромное впечатление.

— **Вместе с тем вы ведь стали первым западногерманским журналистом, взявшим интервью у Леонида Брежнева?**

— Это было в 1971 году. Французский президент Жорж Помпиду прилетел в СССР с рабочим визитом. Сначала приземлился самолет с прессой — Брежнев же думал, что это уже самолет президента. Я воспользовался ситуацией: просто перелез через заграждения и подошел к нему. Мой русский оператор оторопел от испуга. Я спросил Брежнева, как он собирается встречаться с американским президентом, в то время как американцы бомбят Вьетнам. Он произнес только два слова: «Вьетнам далеко». Я понял, что для него было очень важно, чтобы две сверхдержавы наладили отношения.

— **И это была ваша единственная с ним встреча?**

— Во время визита в США в 1973 году Брежнев гостил в резиденции Никсона в Сан-Клементе. Он меня узнал, что удивительно: я ведь очень высокого роста, и зовут меня Фриц. Он меня так и называл, господин Фриц. Никсон же подумал, что я из свиты Брежнева, и стоял рядом, пока мы говорили по-русски. Когда же я обратился к Никсону по-английски, он оскорбился и отошел, не ответив на мой вопрос.

— **Вы покинули свой пост в 1977 году.**

— Мой опыт показал: когда делаешь все для того, чтобы возникло доверие, многое получаешь взамен. Вечеринка по случаю моего отъезда стала леген-

дарной. Я снял пароходик, и мы всю ночь катались по Москве-реке. Вознесенский, Любимов — все были, а Булат Окуджава даже пел.

— **Горбачева вы тоже знали?**

— Волей случая я оказался в Кремле в последний день его президентства. Он сказал мне: «У меня мало времени, сейчас будет встреча с товарищем Ельциным. Это может стать концом Советского Союза и моим». Но он был совершенно спокоен.

— **То есть вы стали свидетелем распада СССР?**

— Я помню, как стоял на Красной площади, когда какие-то темные фигуры забрались на купол Сенатского дворца, сняли красный флаг и водрузили флаг Российской Федерации. А в это время дворники убирали снег. Вот так тихо ушел СССР. Я спросил себя тогда: как Россия справится с этой «невьполнимой миссией?»

— **Почему «невьполнимой»?**

— Мне кажется, что главной проблемой переходного периода 1990-х стало то, что ставку сделали на экономику, а не на правопорядок. Но новому государству необходимы правовой базис, независимая система правосудия.

— **Как вы оцениваете отношения между Германией и Россией сегодня?**

— Это катастрофа! В 1990 году я никогда бы не поверил, что отношения

Запада с Россией будут в таком кризисе. В ноябре 1990 года была подписана Парижская хартия для новой Европы. На этой встрече царил такая атмосфера взаимопонимания, какой я не встречал ни до, ни после. Все были счастливы, что холодная война закончилась. В хартии речь шла о равной безопасности для всех. На этом настаивали русские. Демократия и права человека — на этом настоял Запад. Ничего из этого не было осуществлено.

— **Сегодня что вас связывает с Россией?**

— В 1990 году я снял репортаж о детской онкологической больнице в Перми. Условия там были ужасные, почти никого из детей не удавалось спасти. Мы запустили на канале WDR, главным редактором которого я был, акцию «Дети Перми». С помощью собранных пожертвований был построен Детский онкогематологический центр, который носит имя доктора Газа. Я там бываю — вот скоро опять полечу в Пермь. В клинике работают замечательные врачи, они тесно сотрудничают со специалистами из Германии. Теперь спасают восемь детей из десяти. Именно так я представляю себе идеальное сотрудничество между Россией и Западом!

Кварцверке – Больше чем просто горная промышленность

- Устойчивое развитие как перспективный образ предприятия
- Надежное снабжение ключевых отраслей промышленности промышленными минералами
- Инновационные продукты - традиционные ценности
- Социальная ответственность за работников и соседей
- Награда за мероприятия по сохранению биоразнообразия

Quartzwerke

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ С 1884 ГОДА

www.quartzwerke.com